

Семантические области РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ как антонимичные структуры.

Коконова А.Б.

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова.

annakokonova@gmail.com

диалектология, этнография, семантика, обряд

Сопоставление проводится на материале архангельских говоров; в доклад будут включены примеры, иллюстрирующие его основные положения.

Все больше исследователей в настоящее время привлекает проблема изучения лексики и терминологии духовной культуры. Сбор и изучение данной лексики ведется в основном в русле этнолингвистики и когнитивной лингвистики, где на первый план выступает проблема реконструкции языковой картины мира. Картина мира, построенная на лексическом материале, является продуктом скрещения языка и определенной культурной модели, в которую входят материальные и духовные ценности, воплощающиеся также в сфере поведения, одежде, обрядах и т.п.

Лексика рождения и смерти функционирует прежде всего как обрядовая и обслуживает родильный и похоронный обряды. Вместе с тем эта лексика широко употребляется вне обряда, в обычной повседневной жизни и является принадлежностью общеупотребительного языка.

Семантические области рождения и смерти являются антонимическими смысловыми областями. Слова *рождение* и *смерть*, возглавляющие эти семантические области, являются полными антонимами: слово *смерть* обозначает окончание жизни, а слово *рождение* – начало жизни. Более привычная для носителей литературного языка антонимическая пара *жизнь-смерть* представляет смерть в одном из значений: 'небытие, которое начинается после конца жизни' ([1, 379]). Эта антонимичность, характерная для народного сознания, проявляется в высказываниях типа "*Родѣлись на жьѣсь, а помрѣм на покоѣй*".

Рассматриваемые семантические поля имеют сходную структуру. В них выделяются наименования объекта, над которым совершается обряд; лица, которые этот обряд совершают; обрядовые действия и предметы. В центре обоих обрядов находится объект, над которым производятся различные действия: это ребенок и покойник. И тот, и другой в народном сознании рассматриваются как принадлежащие "другому" миру, и потому опасны живым людям. В связи с этим ребенка не оставляют одного до тех пор, пока его не окрестят, а покойника – в течение двух дней, пока он

находится в доме. Интересна также символика числа сорок в обоих обрядах. Считается, что душа покойника сорок дней ходит по земле до своего окончательного успокоения; ребенка же во многих традициях не крестили, пока не пройдет сорок дней со дня родов (это связано с запретом появляться роженице в церкви до прошествия этого срока), т.е. ребенок не может получить душу, которая, по народным представлениям, дается только при крещении.

И рождение, и смерть связаны с понятием доли. Доля, по определению О.А. Седаковой, это "часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями" [2, 56]. Рождение подразумевает наделение человека долей, а смерть связана с ее перераспределением. К тому же и рождение, и смерть влекут за собой смену социальных ролей в данном сообществе.

Рождение и смерть связаны с символикой пути, открытия врат между двумя мирами, миром живых и тем миром, откуда появляется новорожденный и куда уходят после смерти. Это представление находит свое отражение и на лексическом уровне.

Соотносятся многие фрагменты родильного и погребального обрядов. Помогает при родах / сразу после смерти человека женщина, вдовая или не живущая половой жизнью: *повитуха / обмывальщица*.

И родившегося младенца, и покойника сразу же обмывают. Это связано с уничтожением качеств живого человека в случае с покойником и наделение этими качествами (с помощью заговоров и предметов, кладущихся в воду) в случае с новорожденным.

Интересны фрагменты обрядов, связанные с одеждой для ребенка / покойника. У ребенка еще нет одежды: его заворачивают в фартук или подол старого сарафана. У покойного одежды уже нет: она шьется не так, как одежда для живых (вперед иголкой), она всегда незаконченна. И младенца, и покойника всегда перевязывают поясом.

Новорожденный и умерший сразу же получают свой "новый дом": колыбель и гроб, которые схожи даже по форме (в головах шире, в ногах – уже). Они соотносятся как первое – последнее жилище.

Интересна связь колыбели, гроба и веревки. На веревках гроб опускают в могилу, и веревкой же качают колыбель. Различается только вектор этого движения: гроб движется вниз, в землю, а ребенка укачивают вверх, прогнозируя его быстрый рост.

Связаны также колыбельные песни и причитания. На сходство их символики обращают внимание многие исследователи родильного обряда, например, Л.Ф.Хафизова и В.В.Головин. Сон воспринимается как пространство "того света", куда отправляется ребенок, чтобы получить здоровье и благополучие, но где его могут ждать и различные беды, о которых его старается оградить поющий колыбельную. Отсюда частое упоминание земли, песка, могилы, креста, ели ([3], [4]).

И с родинами, и с похоронами связана символика плодородия. В родинах она проявляется в магических действиях с *последом*, в погребальном же обряде – на поминках, где едят *кутью* – символ доли и новой жизни.

Роль родильного и погребального обрядов очень важна в том смысле, что принимает в члены социума родившегося ребенка; наделяет статусом "предка", "родителя" умершего. Если обряд не был произведен как полагается или не мог быть произведен по каким-то причинам, то ребенок / покойник оказываются вне сообщества. Это ситуация рождения ребенка вне брака и ситуация "не-своей" смерти, которые влекут за собой противопоставления "нормального" ребенка *сколблному* и "*родителей*" заложенным покойникам.

Итак, семантические области рождения и смерти являются антонимичными фрейм-структурами, совпадающими по набору основных компонентов, что и позволяет их сопоставлять. Оба фрейма организуются вокруг центрального объекта, на который направлены все действия и который является отправной точкой всех ситуаций, или слотов, входящих в данный фрейм. Фрейм-структура смерти, по нашим наблюдениям, является более спаянной, чем фрейм рождения. Причины этого, на наш взгляд, следующие: родины как обряд являются более тайным, сакральным знанием, которое практически полностью исчезло с исчезновением носителей этого знания – повивальных бабок. Сохранившиеся фрагменты обряда указывают на то, что фрейм-структура как таковая имеется, но она не обладает такой цельностью, как фрейм смерти.

Погребальный обряд сохранился более полно, чем родильный, что связано, вероятно, с тем, что фрейм спаян концептом Смерти – а концепта рождения в русской ЯКМ, скорее всего, не существует. К тому же представления о смерти заложены в нашей культуре на глубинном уровне и вызывают многочисленные ассоциации. Все это обеспечивает и большую сохранность обряда, и, следовательно, большую сцепленность элементов фрейма между собой и их соответствующее функционирование в речи (и в сознании) диалектоносителей.

Литература

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
2. *Седакова О.А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
3. *Головин В.В.* Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001.
4. *Хафизова Л.Ф.* Персонажи колыбельных песен // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001.